

➔• ЛЮБИМЫЕ ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ •➔

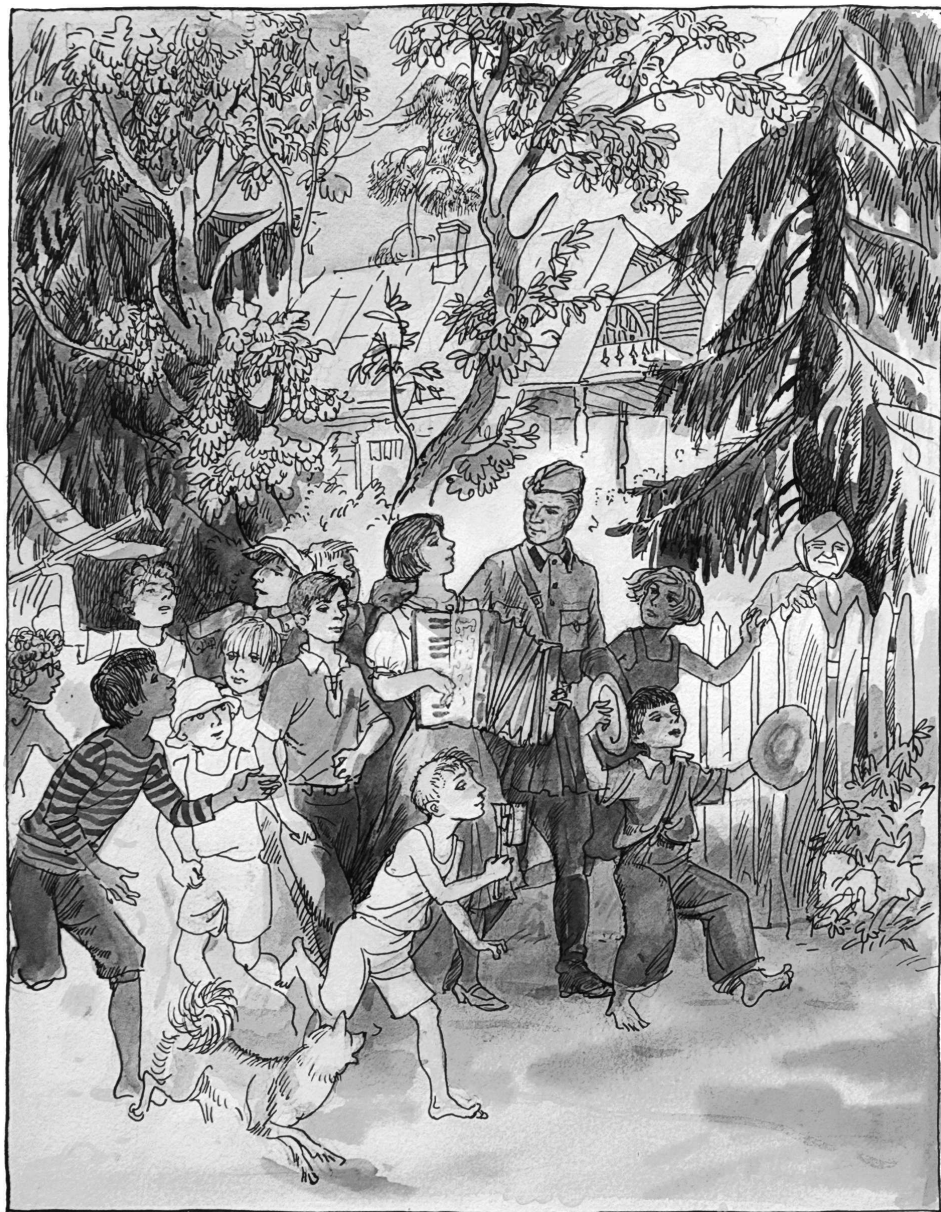
АРКАДИЙ ГАЙДАР

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Г. МАЗУРИНА

«МАЛЫШ»

ТИМУР
И ЕГО КОМАНДА
Повесть

ВОТ УЖЕ ТРИ МЕСЯЦА, КАК КОМАНДИР бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче. Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щётки, насупившаяся Женя стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

— Я поехала с вещами, а ты приберёшь квартиру. Можешь бровями не дёргать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

— И я твоя тоже.

— Да... но я старше... и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женя вздохнула и оглянулась. Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше и пока её нужно слушаться. Но зато у неё, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она туже перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдёрнула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щётку, поволокла к порогу груды мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус. Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивлённо поглядывали на босоногую дев-

чонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стёкла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. Поставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетёном кресле. На коленях у неё лежал рыжий котёнок и теребил лапами букет васильков.

У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам ещё незрелые яблоки, кричали вдогонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный посёлок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей. Шофёр с помощником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга открыла застеклённую террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный са-

рай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подскочила бойкая старая женщина — это была соседка, молочница. Она вызвалась прибрать дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки, Ольга взяла котёнка и прошла в сад.

На стволах обклёванных воробьями вишен блестя горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие верёвочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину. Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шёпот. И вдруг, ломая сухие ветви, тяжёлая лестница — та, что была приставлена к окну чердака сарая, — с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Верёвочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котёнок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни

в чёрном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

— Это ребяташки по чужим садам озоруют, — объяснила Ольге молочница. — Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошёл... хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную Армию служить проводила. И как пошёл, вина не пил. «Прощай, — говорит, — мама». И пошёл и засвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому... А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни — вот я и готова. Однако бог миловал — ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла — дубовая, вдвоём не своротишь, — так её шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и всё. А что был за народ, что за люди — дело тёмное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон — подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас ещё увидеть,
Ах, если б только... раз...
И два... и три...
А вы и не поймёте
На быстром самолёте,
Как вас ожидала я
 до утренней зари
Да!

Лётчики-пилоты!
Бомбы-пулемёты!
Вот и улетели
 в дальний путь.
Вы когда вернётесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь...
 хоть когда-нибудь.

Ещё в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие насторожённые взгляды в сторону тёмного куста, который

рос во дворе у забора. Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

— Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

— Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

— Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

— Я?.. Через забор?.. — обиделся человек. — Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

— Понятно! — усмехнулась Ольга. — Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через неё обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он прошёл через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

— Погодите! — спускаясь со ступени, остановила его она. — Вы кто? Артист?

— Нет, — ответил человек. — Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

— Послушайте, — неожиданно просто предложила ему Ольга. — Проводите меня до вокзала. Я жду

младшую сестрёнку. Уже темно, поздно, а её всё нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я ещё не знаю здешних улиц. Однако стойте, зачем же вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на тёмную, пахнущую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец прошёл и третий, последний.

— С этой негодной девчонкой хлебнёшь горя! — огорчённо воскликнула Ольга. — Ну, если бы ещё мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне — восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

— Сорок не надо! — решительно отказался Георгий. — Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

— Молодой человек, — зажигая спичку и озаряя лицо старшего, сказал Георгий. — Прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выламывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли?

Мальчишка засопел, попятился, а Георгий потушил спичку, взял Ольгу за локоть и повёл её к дому.

Когда они отошли, то второй мальчишка сунул замусоленную папиросу за ухо и небрежно спросил:

— Это ещё что за пропагандист выискался? Здешний?

— Здешний, — нехотя ответил Квакин. — Это Тимки Гараева дядя. Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело.

Тут оба приятеля заметили под фонарём в конце платформы седого почтенного джентльмена, который, опираясь на палку, спускался по лесенке.

Это был местный житель, доктор Ф.Г. Колокольчиков. Они помчались за ним вдогонку, громко спрашивая, нет ли у него спичек. Но их вид и голоса никак не понравились этому джентльмену, потому что, обернувшись, он погрозил им суковатой палкой и степенно пошёл своей дорогой.